

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-50>

УДК 82.09

ЛЕОНИД БОРОДИН: К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Н.С. Цветова (Санкт-Петербург)

Аннотация

В статье на фоне споров об исторической судьбе, культуре и литературе Сибири второй половины XX века рассматривается повесть Л.И. Бородин «Третья правда», в которой с наибольшей очевидностью отразилась творческая индивидуальность Л. Бородин. Автор предпринимает попытку целостного прочтения «Третьей правды» с привлечением актуальных методик мифопоэтического анализа. Внимание сосредоточено на смысле названия, на ключевых художественных концептах и персонажном ряду Рябинин – Селиванов – Оболенские. Подробно исследуется поэтика имени ключевых персонажей, художественное пространство, которое им принадлежит. Базовым назван онтологически важный для писателей-сибиряков художественный концепт *тайга*, позволяющий транслировать характерное отношение к природе. В ассоциативном поле концепта выявляются слова, обладающие аксиологической семантикой. Автор приходит к следующим выводам: Л. Бородину удалось зафиксировать во взаимоотношениях ключевых персонажей приближающееся завершение героического этапа национальной истории; удалось показать в судьбе Селиванова отражение трагизма новой, «городской» реальности, подавляющей национально-исторические инстинкты, деформирующей аксиологические основы бытия; эстетическая реальность, созданная в этой повести, отвечает представлению о традиционных художественных системах, отличается таким масштабом и характером предложенных обобщений, которые позволяют понять и оценить современный цивилизационный выбор.

Ключевые слова: *сибирский текст, правда, богатырь, герой-трикстер, рябина, береза, тайга, тропа, цивилизационный выбор.*

Постановка проблемы. Актуальность обращения к творчеству Л.И. Бородин (1938–2011) определяется несколькими обстоятельствами. Первое из них делает необходимым возвращение к разговору о литературе Сибири в целом – возникновение в поле публичных общественных и научных дискуссий давней номинации Сибири как «колониального проекта» России. Причина этого возвращения в условиях обострившихся информационных конфликтов понятна, связана с активной разработкой воздействующих тактик и стратегий, направленных на разрушение аксиоматичности установки на незыблемость территориальной целостности России. В контексте этого обострения актуализация не проблемы даже, а варианта деструктивной, пусть и периферийной номинации – проявление вербальной интервенции, о воздействующей силе которой пишут исследователи медиаречи.

Только казалось, что обсуждение проблемы этой давным-давно было закрыто Н.Я. Данилевским, предложившим неопровержимые аргументы для доказатель-

ства особого характера русской политической деятельности, проявившейся в отсутствии владений и колоний. Выдающийся мыслитель еще во второй половине позапрошлого века писал: «Русское государство... есть сама Россия, постепенно, неудержимо расширяющаяся во все стороны, заселяя граничащие с нею незаселенные пространства и уподобляя себе включенные в ее государственные границы инородческие поселения» [Данилевский, 1991 (1871), с. 485]. Аналогичное видение проблемы продемонстрировал на исходе советской эпохи киргизский писатель Ч. Айтматов, не раз называвший политику СССР на национальных окраинах *цивилизаторской* (см. опубликованную в 2019 году статью: Тураев В.А. Цивилизаторская миссия русского народа в культурном пространстве Тихоокеанской России и проблема постсоветской интеграции. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatorskaya-missiya-russkogo-naroda-v-kulturnom-prostranstve-tihookeanskoj-rossii-i-problemy-postsovetskoy-integratsii/viewer> (дата обращения: 31.07.2020)). Но это политика и социология.

Второе обстоятельство, для нас определяющее, – нереализованность обозначенной в разгар перестройки задачи создания максимально полной истории русской литературы XX века. Как правило, при выполнении этой задачи действующими оказываются две исследовательские стратегии. Первая – максимально объективная презентация только двух тенденций послевоенного литературного развития, которые со всей очевидностью были зафиксированы в научно-публицистическом диалоге Ф. Абрамова и А. Синявского – в статьях «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954) и «Что такое социалистический реализм» (1957). Ф. Абрамов отстаивал как генеральную линию литературного развития – возвращение русской прозы в поле литературной традиции, Ф. Синявский как о генеральной говорил о необходимости модернизации литературных техник [Цветова, 2020].

Вторая литературоведческая тенденция проявляется в разного рода попытках если не уничтожить память об этом литературном противостоянии, то представить только одно из обозначенных направлений литературного развития как бесспорную доминанту без учета сложнейшего контекста. В результате реализации обоих подходов исчезают из поля зрения историков литературы значительные явления, одним из которых можно считать литературное наследие Л. Бородина, представляющее третью идеологическую платформу демократизации общественного пространства, существование которой было зафиксировано А. Амальриком («Присуществует ли Советский Союз до 1984 года?») (1969)). А. Амальрик писал о «христианской идеологии славянофильского типа», создатели которой предложили свой вариант осмысления нового «городского» порядка, основанный «на стремлении человека к благополучию и инстинкте самосохранения» [Амальрик, 1969]. Эта платформа прежде всего была представлена в «христианской доктрине развития общества», принятой тайной политической организацией ВСХОН (Всероссийский социал-христианский союз освобождения народов) [Целовальников, 2005, с. 265–268]. Членом ВСХОН был Л.И. Бородин, в творчестве которого третья идеологическая платформа была представлена с наибольшей очевидностью.

Наша цель – попытка целостного прочтения «Третьей правды» Л.И. Бородин с привлечением актуальных методик мифопоэтического анализа, которые, на наш взгляд, дают максимальные возможности для приближения к смысловой структуре традиционного литературного текста [Цветова, 2018]. Такого рода методики предполагают особое внимание к сильным текстovým позициям, к персонажным рядам, концептуальным метафорам, к топике повествования, т.е. к тем элементам поэтики литературного текста, которые чаще всего используются для проецирования мифологических сюжетов, символов и мотивов. В нашем случае – прежде всего, к названию, художественному пространству, персонажному ряду, в которых проявилась не только авторская индивидуальность, но и многие типологические черты сибирской прозы – сибирского литературного текста, присутствие которого для национального культурного пространства во второй половине XX века становится определяющим.

Обзор научной литературы. Несмотря на то, что Л. Бородин обрел право на существование в российском литературном дискурсе после двух тюремных сроков по политическим статьям только в начале 1990-х, он не приобрел статуса ни выдвиженца от либерально-литературной тусовки, ни представителя защитников «патриотической» идеи, он ушел в журнальное дело – создавал новую «Москву». Но именно в 1990-е о нем начали писать как о прозаике заметные критики и литераторы: Л. Аннинский, А. Агеев, Е. Шкловский, С. Куняев, В. Бондаренко, А. Варламов, Ю. Кублановский и др. Двухтысячные были ознаменованы появлением целого ряда диссертационных исследований. Ряд этот открывался в 1996 году диссертацией И.А. Казанцевой, посвященной соотношению романтических и реалистических ценностей в прозе писателя. Новое поколение историков литературы и литературоведов сосредоточилось на «философских исканиях автора и героев» (Л.А. Нестерова), на проблеме национального характера (В.И. Дружинина), на жанрово-стилевом своеобразии прозы Л. Бородина (Н.Л. Федченко).

Первое монографическое исследование творчества Л. Бородина опубликовала И.А. Казанцева в 1999 году. Объект ее внимания – художественная философия писателя, ядром которой признается православная аксиология [Казанцева, 1999]. На сегодняшний день в определенном смысле итоговой можно считать монографию В.Д. Серафимовой, представившей творческую мысль писателя в широчайшем контексте, прежде всего, в связи с русской классической литературой [Серафимова, 2018].

В монографии В.Д. Серафимовой впервые центральное место в творчестве Л.И. Бородина отводится повести «Третья правда» (1979; 1981 – Германия; 1984 – издательство «Посев», 1991 – Россия).

Но до сих пор творческая индивидуальность Л.И. Бородина не рассматривалась в соотнесенности с литературными достижениями иркутян В. Распутина, А. Вампилова, М. Ворфоломеева; «Третья правда» – самая сибирская повесть писателя как одно из самых значительных явлений русской традиционной прозы второй половины XX столетия.

Результаты исследования. Название самой известной на сегодняшний день повести писателя вошло как национально-культурный стереотип в общественное и индивидуальное сознание наших современников, при аналитическом декодировании, прежде всего, соотносится с мировоззренческими константами, определявшими жизненное поведение писателя.

Ядерное положение концепта «правда» в жизненной и художественной философии Л.И. Бородина было подчеркнуто при вручении ему в 2002 году Солженицынской премии, присужденной «за последовательность и мужество в поисках правды» [Серафимова, 2018, с. 3]. Если читатель искушен, то он хранит и авторские признания о том, что «обуян» он поиском правды с молодости («Я готовился жить только по правде»), и авторскую подсказку из последующего откровения: «Русская правда... должна быть сохранена в душах для необходимого, сначала бы душевного возрождения. А там, глядишь, дорастем и до духовного» [Бородин, 2003, с. 16]. Идеологическую сущность «Третьей правды» расшифровывал Л.И. Бородин в комментарии, приведенном В.Д. Серафимовой: «поиск правды» – наиболее характерная черта моих героев: «Правда одна... И когда я писал эту повесть, слова „третья правда” у меня стояли в кавычках, это потом уже в издательстве их сняли. Селиванов не находит правды, и правда Рябинина тоже неполна, потому что он пришел в христианство в нечеловеческих условиях, и это тоже отразилось на нем, не случайно последняя вспышка гнева, которая приводит к смерти» [Серафимова, 2018, с. 28–29].

Словарь современного русского языка (Норинт, 2006) дает 4 основных значения существительного «правда»: 1. То, что соответствует действительности, истина. Реалистическое изображение жизненных явлений в произведениях творчества. 2. То, что исполнено, истины. 3. Справедливость, порядок, основанный на справедливости. 4. В составе средневековых названий сводов законов [Словарь современного русского языка, 2006, с. 594]. «Третья правда» Л. Бородина актуализирует первое значение, так как эта повесть – попытка предельно правдивой презентации не только жизненной философии писателя. Но правда в пожизненном диалоге Рябинина и Селиванова *третья*. Эпитет, рожденный из оценки собственной жизни отцом Селиванова, не просто транслирует количественную оценку, создает качественно новый код, который предполагает семантическую интерпретацию в духе В. Топорова, напоминавшего о том, что число три – «образ абсолютного совершенства... основная константа мифопоэтического макрокосмоса и социальной организации... точная модель сущностей, признаваемых идеальными» [Топоров, 2014, с. 474–475].

Именно поэтому, хотим мы того или не хотим, название повести Бородина – аллюзия скорее не к солженицынскому *жить не по лжи* или к песне на стихи Р. Рождественского из «Неуловимых мстителей» Э. Кеосаяна, в которой были такие строчки: «Много в поле тропинок, / Только правда одна...», но к Русской Правде, к шукшинскому *Нравственность есть Правда*, к *Клятве о правде*, которую в 1976 году записал в своем дневнике Ф. Абрамов. Художественное ко-

дирование названия закладывает сюжетную интригу, над разгадкой которой и должен биться читатель, отвечая прямому призыву одного из ключевых персонажей: «*А ты, поди, думал, что у тебя вся правда на ладошке?*»¹ (с. 149).

Развитие сюжета, по сути, постижение этого сложнейшего художественного концепта, который, перефразируя Ю. Степанова, можно определить как «сгусток художественной философии», презентован в нескольких сюжетных элементах, транслирующих архетипическую основу повествования.

Базовый из них, повторяем, персонажный ряд *Рябинин – Селиванов – Оболенские*. Иван Рябинин – персонаж, структура которого почти полностью соответствует лекалам традиционной прозы: имя, фамилия, портрет (*высокий, широкоплечий, кряжистый, силы и выносливости неисчерпаемой* – с. 71; *статный, крепкий* – с. 68). Сравнения довершают описание русского богатыря, который от рождения получил огромную силу земли – *как кедр-дубняк* (с. 81), *похож на медведя* (с. 73). О том же давняя легенда о сказочной его силе – *мальчишкой вытащил из болота корову за рога* (с. 73). Служение богатырское – был Иван *непримиримым, упрямым охранником рябиновской тайги*, бежавшим суетной жизни (с. 68). И судьба богатырская, которая начиналась со сказочной любви к заморской *царевне-лебедь, светловолосой царевне* (с. 136), выразившейся не в любовной страсти, а в чистоте созерцания, уничтоженной неумолимыми тюремщиками. Но сказочный канон, которому подчинялось повествование о встрече лебедушки и богатыря, принципиально изменен.

Безоблачного счастья не случилось, лебедушка погибает, сын в детском доме вырастает не Иваном, как матери грезилось, а «*Ванькой*» (с. 191), как признает после смерти друга Селиванов. И все-таки встреча лебедушки и богатыря становится зачином жизненного пути в соответствии с формулой Г.П. Федотова, который когда-то написал: «Чтобы жить, человек должен найти утраченные связи с Богом, с душевным миром других людей и с землей. Это значит в то же время, что он должен найти себя самого, свою глубину и свою укорененность в обоих мирах: верхнем и нижнем» [Федотов, 1992, с. 250].

В неволе, в видениях, открывавшихся Ивану Рябинину в мученический жизни, иррационально восстанавливаются его связи с Господом, в снах метафорически фиксируется прозрение. Но истинное открытие собственной сути приводит к трагедийному завершению его жизни уже после того, как в мистических видениях однажды исчезли реальные признаки окружающего мира в знак разрушения его сокровенного пространства. Для прощания с этим миром он приходит в тайгу. Вопреки собственным ожиданиям и многочисленным знакам, которые он считывает по обочинам своей тропы, на мгновение ощущает родовое сходство с теми, кто показался ему новыми богатырями. Даже захотел проложить для них новую тропу и новое зимовье поставить. Но веселая, бездумная демонстрация молодого «механистически-машинного» (Н. Бердяев) могущества лишила его

¹ Бородин Л. Третья правда // Бородин Л.И. Повесть странного времени: повести. М.: Современник, 1990. С. 63–195. В тексте статьи все ссылки на эту публикацию даются с указанием цитируемой страницы в круглых скобках.

сил, необходимых для восстановления целостности бытия, и открылись ему «новые пространства и времена» (В.Н. Топоров) – «*сердце взлетело... и потянуло за собой ввысь*» (с. 178).

Земное идеальное в характере удивительного человека, который в стремлении к справедливости прошел крестный путь вслед за автором, зафиксировал Селиванов, формулируя собственное представление о товарище, с которым сам он мечтал всю жизнь плечом к плечу пройти: «...*чтоб человек был силен и добр, верен и надежен, умен и не болтлив... умел быть близким и не надоедал... чтобы не опасен был человек для твоего спокойствия*» (с. 81).

Но сам Селиванов – по сравнению с Рябининым – герой-трикстер [Ковтун, 2011], в характере которого отсутствовала возможность превращения высоких душевных движений в этапы духовного роста. Андриан Никанорович Селиванов – даже внешне полная противоположность Рябинина: *невысокого роста, щуплый, пронырливый, косой* (с. 71), *хилый и худосочный* (с. 81), *сучок трухлявый* (с. 71) – одним словом, *мужик невнушительный* (с. 112). А радость жизни его состоит в стремлении *жить по своему желанию и прихоти* (с. 79).

Интересны ассоциативные концепты, которые дают представление о структуре этих персонажей. Первый – *рябина*. Фамилия Ивана *Рябинин*. Живет он в *Рябиновке*. В практически беспредметном фоновом деревенском пейзаже подчеркивается: *рябина росла в каждом проулке и каждой усадьбе, была красой и удовольствием для деревни* (с. 65). При изображении дома Ивана Л. Бородин подчеркивает, что дом окружен был рябинником. Специалисты утверждают существование связи рябины «с темой проклятия... трагической судьбой», напоминают о том, что у славян существовал «достаточно регулярный запрет сажать рябину возле дома»: «У кого рябина – у того несчастье», хотя есть легенды, которые закрепляют и защитную функцию этого дерева – апотропея. В соответствии со смыслом этих легенд дом Ивана все 25 лет его отсутствия скрывал и сохранял рябинник [Агапкина, 2009, с. 516].

Второй ассоциативный семантический повтор, принципиально важный для постижения характера Ивана Рябинина, связан с текстовой репрезентацией концепта *справедливость: справедливый был егерь* (с. 68), *плевать хотел на хитрость* (с. 131), но *судьба выпала ему «недобрая и несправедливая»* (с. 66). Трагический отсчет его биографии начался со столкновения с *гадом бровастым* (прецедентный феномен, семантика которого открывается любому читателю, на долю которого выпала жизнь в эпоху Брежнева), к которому не знающий компромиссов егерь стал *приставать с законом* (с. 150). *Закричал Иван в суделихим голосом о правде... но распилили человека пополам, душу распилили в день цветения, в день радости* (с. 150). В снах Иван видит, как вырастает на его таежной тропе *колючая проволока*, которую не обойти, дом превращается в темницу, из которой не найти выхода к свету, *а вся земля – одни круги и квадраты заборов и запреток!..* (с. 151). Весь мир, люди, населяющие его, были *искажены силой неправды!* И вот тогда помогли ему *люди из другого мира...* –

без конца и края, без начала и конца (с.152), люди, открывшие ему глаза на жизнь, до того момента пребывавшую в нем *неуслышанной и неувиденной* (с. 153).

Обретение истинной веры ярче всего проявляется в изменившемся облике героя. Селиванов, с некоторой завистью называвший когда-то товарища *то кабаном, то лосем, то битюгом, то верзилой, то медведем, а то молчуном-бугаем*, после разлуки при свете лампы уловил *жутковатое сходство: На нем была рубашка навывпуск, перекрытая белой бородой, серебрившейся в свете лампы каждым волоском. На голове – необычный расчес волос, во всей фигуре особый склон плеч. Но главное – лицо. Оно было не просто спокойное, а как бы нездешнее, несущее в себе такие тайны, которых ни касаться, ни разгадывать было нельзя* (с.137). Это же сходство поймает молодой художник – случайный попутчик, почувствует и затихнет от этого чувства скандальная продавщица, «застынут» парни-бульдозеристы, зверски прорывавшиеся к зимовью (с.179). Примерно так же придет однажды к герою распутинского «Видения» Николай Чудотворец в знак обретения уникального состояния энтелехии. Но это образ преподобного Серафима Саровского – «русского богатыря из Курска», который после перенесенных им несправедливых обид и болезни, исцеленный Пресвятой Девой, преодолел все ступени человеческого совершенствования, превратившись «в удивительно светлого старца, духоносного наставника всей России» [Энциклопедия православной святости, 1997, с. 147–148].

В структуре образа *хулигана и браконьера* Селиванова – принципиально иные семантические доминанты. Л. Бородин несколько раз повторяет, что Селиванов (от *Селиван* – Бог лесов, полей и стад, лесной [Тихонов, Бояринова, Рыжков, 1995, с. 311]) – человек, изначально склонный к *лукавству*; притворщик вдохновенный. И его дерево – береза, которая постоянно в разных формах используется им в жизни, помогает играть выбранную роль – то *березовый батожок* оказывается в руке, то в раздумье присядет на *березовую колодину*, то волокушу перемотает *березовыми прутиками*, то в *березняке* пытается скрыться от погони... «Береза в мифологическом сознании воспринималась двойственно: с одной стороны, как дерево, дающее силу и здоровье, „счастливое“, с другой стороны – как опасное, связанное с душами умерших и нечистой силой» [Русская мифология, 2006].

Сказочно-былинный богатырь Рябинин и малопривлекательный Селиванов, несмотря на различия, *люди, еще русские* (с.105), как сказал бывший белый офицер Оболенский – Рюрикович, потомок древнейшего дворянского рода, идущего от князей черниговских, подарившего России неизмеримое количество государственных и военных деятелей. Институциональные характеристики Рябинина и Селиванова, несмотря на огромную разницу, общие, концептуальные. Общий для них ключевой художественный концепт как своеобразный «потенциальный образ», не поддающийся логическому определению, но со всей отчетливостью представляющий пространство [Красовская, 2009; Аскольдов, 1997; Миллер, 2004], которое принадлежит главным персонажам, – *тайга*.

Для обычного человека слово это обозначает вполне определенное понятие – «полоса диких труднопроходимых хвойных лесов, занимающая громадное пространство на севере Европы, Азии и Северной Америки» [Словарь..., 2006, с. 818]. Какие удивительные таежные пейзажи создал В.П. Астафьев, сумевший передать обобщенное зрительное представление, вызывающие душевно-эстетические переживания!

Но у Л. Бородин тайга – пространство символическое, образ которого поддерживается повседневной жизненной практикой и включается в неожиданное ассоциативное поле. *Тайга* как художественный концепт включает в себе не только индивидуально-авторские семантические компоненты, но и «априорные смыслы и значения, принадлежащие национальной эстетической традиции» [Миллер, 2004, с. 164]. Для односельчан Рябинина и Селиванова *тайга* – место изначального существования многих поколений, пространство *выживания*. Для них это ядро огромного *байкальского мира* (с. 68) – одухотворенного, имеющего антропоморфный облик, всевидящего и всеслышающего пространства, которое онемело после смерти отца Людмилы (с.119). Только на периферии «*байкальского мира*» – одна из сибирских столиц Иркутск, за которым «*тесный и шумный мир*», созидаемый людьми, которых Селиванов *не уважал, презирал даже* (с. 80). Л. Бородин в исповеди своей назовет тайгу полем духа, *единого национального духа* («Без выбора»).

Для Селиванова и Рябинина тайга имеет единый центр – *Чехардак* – заповедный, труднодоступный, скрытый от постороннего глаза, разместившийся *промеж трех грив* (с. 86). *Если с главной гривы смотреть на таежные сопки, внизу походили они на пьяных мужиков, прыгающих друг через друга в дурацкой забаве – чехарде* (с. 126). Чехардак – вариант «оси» мироздания, «золотой горы» соединяющей преисподнюю, землю и небо, с которой может начаться освоение пространства по вертикали, связанное с духовной жизнью персонажей, с их способностью к переживанию Благодати.

Ведущая к сердцевине этого мира тропа как естественная возможность освоения пространства по горизонтали связана с профессиональными занятиями героев, с их образом жизни. И вот тут разница. У каждого тропа к Чехардаку своя, тайная, сокрытая от чужих глаз. Иван Рябинин «*дышал таежным воздухом, хвоей кедровой, мхами брусничными*». Когда жизненные силы на исходе, его молитвенная просьба: хоть раз по тропе до зимовья дотопать или хотя бы увидеть его с поворота. Пространственно-временная бесконечность тайги для него в конечном итоге становится главным проявлением всемогущества *Всевышнего*. Но смысл его жизни – сохранение заповедной тайги для будущих поколений, именно поэтому с такой готовностью он делает шаг навстречу трактористам-мазурикам (этот антропологический тип В.Г. Распутин в повести «Пожар» назовет *архаровцами*).

А вот Селиванов хотел, чтобы сердце тайги – нечто *целое, единое и живое* – принадлежало только ему. В какие-то мгновения он ощущал себя «*ее мозгом*» (с. 109). Иногда ему казалось, что только с его присутствием «*обретала тайга*

полноту лица и цельность сути» (109). С одной стороны, он хотел власти над тайгой, с другой – как и его предки, стремился к разговору с ней – *«бесконечному и доброму»* (с.180). Совсем не случайно не Ивану, а Селиванову принадлежат очень значительные в этом отношении слова: *«...небо само и есть то место, где живет человек вместе с землей и со всем, что на ней и вокруг него»* (с.125). В сознании Селиванова, букашки – *«сына неба и земли»*, представлена, по сути, языческая модель мироустройства. И такое мировидение вполне допускает блестяще спланированное преступление во имя сохранения сакрального центра. Уровень духовности этого героя заложен природой, определяется погруженностью в совершенный мир природы. Эта та самая «первобытная духовность», поднимающая человека над биосоциальными инстинктами, утверждающая непререкаемость абсолютных начал и непреложность идеального как действующую силу миропорядка, о которой писала И.И. Плеханова в применении к художественному миру Л. Петрушевской [Плеханова, 2019, с. 14]. Но при очевидной оторванности Селиванова от глубин человеческого бытия его движение в глубину реально, возможно. Но такое движение требует поддержки. Интуитивно он понимает, что в одиночку *тайгу* от пришлых не защитить. И если Иван в отборе средств защиты предельно щепетилен, то Селиванов идет до конца.

Рационально-логически итог жизни Селиванова более значителен: он вырастил дочь Ивана, сохранил рябининский дом. Кажется, он прав, когда задает почти в финале беспощадные вопросы: *«А что Иван сделал за свою жизнь путного? Кто больше сделал добра?»* (с.166). Правда *«ловкого»* и *«хитрого»* Селиванова принадлежит вполне определенному историческому времени, маркируется не менее определенными земными событиями и фактами, но противоречит вековому жизненному опыту сибиряков, потому и *«путался»* он всю жизнь, *«словно кляча в порванной упряжке»* (с.144), потому и не допускается в небесное пространство, к другу, которому была предназначена принципиально иная траектория развития на основании отождествления истинной жизни с чистой совестью.

Выводы. Л. Бородину удалось создать уникальную эстетическую реальность, в которой отразился ключевой цивилизационный конфликт, в иных вариантах зафиксированный В. Распутиным и В. Шукшиным. Наиболее убедительный и совершенный в художественном отношении вариант этой реальности представлен в повести «Третья правда». Судьба ключевых персонажей повести свидетельствует о завершении героического этапа национальной истории, эпохи абсолютного единения человека и природы, о приходе *мазуриков*, обладающих сокрушительным техническим могуществом. Знаком этого завершения стала гибель и вознесение богатыря Рябинина. Сказочный герой за всю свою многотрудную жизнь *«души не замарал»* (с. 144), но не выдержал прямого столкновения с «железным» веком.

Судьба Селиванова сложнее и только на первый взгляд кажется состоявшейся, т.к. ему удалось преодолеть многие свои страхи и предубеждения, удалось заслужить любовь родной дочери Ивана Рябинина, логический результат его жизни – целый список добрых дел. Но именно в этой судьбе отразился

весь трагизм новой, той самой «городской» реальности, подавляющей национально-исторические инстинкты, деформирующей аксиологические основы бытия. Л. Бородин уловил в истории жизни и передал в бесконечной саморефлексии именно этого персонажа множественные проявления нового содержания векового конфликтного диалога православия и индивидуализма, которое до него фиксировали только философы, замечавшие, что «никогда еще в истории человек не становился настолько проблематичным для себя», как на излете XX столетия [Шелер, 1988, с. 31].

Место «Третьей правды» в истории русской литературы, национальной культуры в значительной степени определяется ее включенностью в локальную традицию, базовой характеристикой которой признана «склонность именно к реалистическому представлению метафизического диалога с миром» [Плеханова, 2010, с. 10]. Кроме того, этот текст – наиболее яркое проявление творческой индивидуальности Л. Бородина, сформировавшейся, повторяем, в мейстриме литературного развития конца 1960-х годов. В повести проявились базовые черты авторского самосознания; уникальный опыт художественного картографирования территории; особая структура персонажей [Сибирская идентичность в зеркале литературного текста, 2015]. Все это позволило писателю передать свои размышления о невозможности обретения в новых социальных и исторических условиях той степени свободы, которая позволит «сыну неба и земли» (с. 126) устроить свою жизнь в соответствии с «третьей правдой», предполагающей совмещение «Божьей воли, природно-космического и естественно-исторического начал» (Ю.Н. Давыдов).

Список источников

1. Бородин Л. Без выбора. Автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003.
2. Бородин Л. Третья правда // Бородин Л.И. Повесть странного времени: повести. М.: Современник, 1990. С. 63–195.

Библиографический список

1. Агапкина Т.А. Рябина // Славянские древности: в 5 т. М.: МО, 2009. Т. 4. С. 514–519.
2. Агеев А. Моралист перед сфинксом // Октябрь. 1991. № 6. С. 201–204.
3. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? URL: <https://www.litmir.me/br/?b=50674&p=1> (дата обращения: 31.06.2020).
4. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991 (1871).
6. Елепова М.Ю. «Чистая книга» Федора Абрамова: к философии романа «Творчество Федора Абрамова в контексте эпохи». Архангельск: Изд-во САФУ, 2020. С. 15–25.
7. Казанцева И.А. Проза Л. Бородина: философский аспект: учебное пособие. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во К.-на-Амуре педагогического университета, 1999.
8. Ковтун Н.В. Богоборцы, фантазеры и трикстеры в поздних рассказах В.М. Шукшина // Литературная учеба. 2011. № 1. С. 132–154.
9. Красовская Н.В. Художественный концепт: методы и приемы исследования // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 4. С. 2–24.

10. Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира. На материале русской литературы: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.
11. Плеханова И.И. Константы переходного времени. Литературный процесс рубежа XX–XXI веков. Иркутск: Изд-во ИРГУ, 2010.
12. Плеханова И.И. Принципы художественной игры Петрушевской. М.: Флинта, 2019.
13. Русская мифология. Энциклопедия / сост. Е. Мадлевская. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006.
14. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI в. / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта-Наука, 2015.
15. Серафимова В.Д. Поэтика прозы Л.И. Бородина: диалог с культурным пространством. М.: ИНФА-М, 2018.
16. Словарь современного русского языка / авт. проекта и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 960 с.
17. Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжков А.Г. Словарь русских личных имен. М.: Школа-Пресс, 1995.
18. Топоров В.Н. Мифология. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 2. 536 с.
19. Федотов Г. Судьба и грехи России (Философско-историческая публицистика). М.: София, 1992. Т. 2.
20. Цветова Н.С. «Абрамов был впереди своего времени...» // Творчество Федора Абрмова в контексте эпохи. Архангельск: САФУ, 2020. С. 73–81.
21. Цветова Н.С. Русская традиционная проза второй половины XX века как историко-литературный феномен // Вестник Воронежского университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2018. № 2. С. 66–71.
22. Целовальников А.Н. Бородин Л. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Словарь. СПб.: Олма-Пресс Инвест, 2005. Т. 1.
23. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
24. Энциклопедия православной святости: в 2 т. М.: Лик пресс, 1997. Т. 2.

Сведения об авторе

Цветова Наталья Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: cvetova@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-50>

LEONID BORODIN: TO THE PROBLEM OF CREATIVE INDIVIDUALITY

N.S. Tsvetova (Saint-Petersburg)

Abstract

In the article, L.I. Borodin's novel *The Third Truth* is considered against the background of disputes about the historical fate, culture and literature of Siberia in the second half of the twentieth century. The author attempts a holistic reading of *The Third Truth* using current methods of mythopoetic analysis. Attention is focused on the meaning of the name, on the key artistic concepts and the character series Ryabinin – Selivanov – the Obolenskiye. The poetics of the names of key characters and the artistic space that belongs to them are studied in detail. The basic concept is called the taiga, which is ontologically important for Siberian writers, and allows them to convey a characteristic attitude to nature. In the associative field of the concept, words with axiological semantics are identified. The author comes to the following conclusions: L. Borodin managed to fix the approaching end of the heroic stage of national history in the relationships of key characters; he managed to show in Selivanov's fate the reflection of the tragedy of the new "urban" reality, which suppresses national and historical instincts and deforms the axiological foundations of existence; the place of this story in the literary biography of L. Borodin is determined by the uniqueness of the created aesthetic reality that corresponds to the idea of traditional artistic systems, but most importantly – the scale and nature of generalizations that characterize the modern civilizational choice.

Keywords: *Siberian text, truth, Bogatyr, hero-trickster, Rowan, birch, taiga, trail, civilizational choice.*

References

1. Agapkina T.A. Ryabina // Slavyanskije drevnosti: v 5 t. [Rowan // Slavic antiquities]: in 5 vol. 4. M.: MO, 2009. T. 4. S. 514–519.
2. Ageev A. Moralist pered sfinksom // Oktyabr' [Moralist before the Sphinx // October]. 1991. No. 6. S. 201–204.
3. Amal`rik A. Prosushhestvuet li Sovetskij Soyuz do 1984 goda? [Will the Soviet Union last until 1984?]. URL:<https://www.litmir.me/br/?b=50674&p=1> (data obrashheniya: 31.06.2020).
4. Askol`dov S.A. Koncept i slovo // Russkaya slovesnost`. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta [The concept and the word. In: Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text]. Antologiya / pod obshch. red. V.P. Neroznaka. M.: Academia, 1997. S. 267–279.
5. Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. M.: Kniga, 1991 (1871).
6. Elepova M.Yu. „Chistaya kniga” Fedora Abramova: k filosofii romana // Tvorchestvo Fedora Abramova v kontekste e`poxi [“Pure book” by Fyodor Abramov: towards the philosophy of the novel. In: Creativity of Fyodor Abramov in the context of the epoch]. Arxangel`sk: Izd-vo SAFU, 2020. S. 15–25.
7. Kazanceva I.A. Proza L. Borodina: filosofskij aspekt [L. Borodin's prose: a philosophical aspect]: uchebnoe posobie. Komsomol`sk-na-Amure: Izd-vo K.-na-Amure pedagogicheskogo universiteta, 1999.
8. Kovtun N.V. Bogoborcy, fantazery` i trikstery` v pozdnix rasskazax V.M. Shukshina // Literaturnaya ucheba [Atheists, visionaries, and the trickster in later stories by V.M. Shukshin. In: Literary studies]. 2011. No. 1. S. 132–154.

9. Krasovskaya N.V. Xudozhestvenny`j koncept: metody` i priemy` issledovaniya // Izvestiya Saratovskogo universiteta [Artistic concept: research methods and techniques // News of Saratov University]. 2009. T. 9. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. Vy`p. 4. S. 2–24.
10. Miller L. V. Lingvokognitivny`e mexanizmy` formirovaniya xudozhestvennoj kartiny` mira [Linguocognitive mechanisms of forming an artistic picture of the world]. Na materiale russkoj literatury`: dis. ... d-ra filologich. nauk. SPb., 2004.
11. Plexanova I.I. Konstanty` perexodnogo vremeni. Literaturny`j process rubezha XX–XXI vekov [Transition time constants. Literary process of the turn of the XX–XXI [centuries]. Irkutsk: Izd-vo IRGU, 2010.
12. Plexanova I.I. Principy` xudozhestvennoj igry` Petrushevskoj [Principles of Petrushevskaya's artistic game]. M.: Flinta, 2019.
13. Russkaya mifologiya [Russian mythology]. E`nciklopediya / sost. E. Madlevskaya. M.: E`ksmo; SPb: Midgard, 2006.
14. Sibirskaya identichnost` v zerkale literaturnogo teksta [Siberian identity in the mirror of a literary text]. Tropy`, toposy`, zhanrovy`e formy` XIX–XXI vekov / otv. red. N.V. Kovtun. M.: Flina-Nauka, 2015.
15. Serafimova V.D. Poe`tika prozy` L.I. Borodina: dialog s kul`turny`m prostranstvom [L.I. Borodin's prose poetics: dialogue with cultural space]. M.: INFA-M, 2018.
16. Slovar` sovremennogo russkogo yazy`ka [Dictionary of the modern Russian language] / avt. proekta i gl. red. S.A. Kuznecov. SPb: Norint, 2006. 960 s.
17. Tixonov A.N., Boyarinova L.Z., Ry`zhkov A.G. Slovar` russkix lichny`x imen [Dictionary of Russian personal names]. M.: Shkola-Press, 1995.
18. Toporov V.N. Mifologiya [Mythology]. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2014. T. 2. 536 s.
19. Fedotov G. Sud`ba i grexi Rossii (Filosofsko-istoricheskaya publicistika) [Fate and sins of Russia (Philosophical and historical journalism)]. M.: Sofiya, 1992. T. 2.
20. Czvetova N.S. „Abramov by`l vpered i svoego vremeni...” // Tvorchestvo Fedora Abrmova v kontekste e`poxi [“Abramov was ahead of his time...” In: Creativity of Fyodor Abrmov in the context of the era]. Arxangel`sk: SAFU, 2020. S. 73–81.
21. Czvetova N.S. Russkaya tradicionnaya proza vtoroj poloviny` XX veka kak istoriko-literaturny`j fenomen // Vestnik Voronezhskogo universiteta [Russian traditional prose of the second half of the twentieth century as a historical and literary phenomenon / Bulletin of the Voronezh University]. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. 2018. No. 2. S. 66–71.
22. Celoval`nikov A.N. Borodin L. // Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poe`ty`, dramaturgi [Borodin L.] Russian literature of the twentieth century. Prose writers, poets, and playwrights]. Slovar`. SPb.: Olma-Press Invest, 2005. T. 1. S. 265–268.
23. Sheler M. Polozhenie cheloveka v Kosmose // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii [The position of man in Space. In: The Problem of man in Western philosophy]. M.: Progress, 1988. S. 31–95.
24. E`nciklopediya pravoslavnoj svyatosti: v 2 t. [Encyclopedia of Orthodox Holiness]. M.: Lik press. 1997. T. 2.

About the author

Tsvetova Natalya Sergeevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Graduate School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University; e-mail: cvetova@mail.ru